

«В нашей профессии нельзя повторять то, что уже было создано»

ОЛИВЬЕ ПОЛЬЖ О ТРАДИЦИЯХ, СВОБОДЕ И О СВОЕЙ НОВОЙ РАБОТЕ В CHANEL

СМЕНА штатного парфюмера в Chanel — событие редкое. С 1921-го у дома их было всего трое: первый — Эрнест Бо, прославленный создатель Chanel №5, второй — Анри Робер, пришедший в 1952 году и создавший Chanel Pour Monsieur и Chanel №19, и, наконец, с 1987 года Жак Польж, автор таких хитов, как Allure, Coco Mademoiselle, Chanel Chance, Chanel №5 Eau Premiere. Теперь ароматами Chanel займется его сын, Оливье Польж. Несмотря на то, что по парфюмерным меркам Польж еще молод, у него уже слава настоящего «носа». За ним числится больше 40 ароматов, среди которых Eau Parfumee au The Rouge (Bvlgari), Christian Dior Homme, The One for Men (Dolce & Gabbana), Cuir Beluga (Guerlain), The Beat of Burberry, Balenciaga Paris, Midnight in Paris (Van Cleef & Arpels), Kenzo Power, Jil Sander Jil. Для Chanel Оливье создал аромат Misia, который вышел в линии Les Exclusifs de Chanel — это высокая парфюмерия и самые дорогие ингредиенты. В 2009 году Оливье Польж был награжден самой желанной премией в мире парфюмеров — Prix International du Parfum.

— Вы изучали историю искусств, а потом все же стали парфюмером, как ваш отец. Почему так получилось?

— Когда я был подростком, я наотрез отказывался изучать парфюмерное дело. Именно потому, что этим занимался мой отец, — такой типичный юношеский максимализм. Но когда мне было семнадцать, я попал на летнюю практику в лабораторию International Flavours and Fragrances. И там, совершенно неожиданно для себя самого, я вдруг понял, что хочу не просто изучать созданное другими, но и создавать что-то сам, а парфюмерная лаборатория — то самое место, где я хочу работать. Так что получилось, что отец не подталкивал меня к этой профессии, не настаивал на ней — просто в один прекрасный день я сам пришел к нему за разъяснениями.

— Какой из его советов оказался для вас самым важным?

— самого главного принципиального совета не было. На самом деле до этого года мы вообще никогда не работали вместе над созданием ароматов. Отец, конечно, оказал на меня большое влияние, но не в парфюмерии, а в других аспектах моей жизни. И все же именно отец объяснил мне, какой должна быть парфюмерная линия Chanel, как она должна развиваться. И, разумеется, через отца я познакомился с историей Chanel.

— То есть произошел настоящий переход ремесла — от отца к сыну?

— Прямой передачи знаний не было. Отец не учил меня — просто назвал «нужные» адреса и «нужных» людей. Профессия парфюмера — это абсолютно эмпирическая профессия. Нет определенных правил, ты сам все пробуешь, сам все создаешь. В нашей профессии нельзя повторять то, что уже было создано.

— Теперь вы будете работать только для Chanel. Вы не боитесь, что окажетесь в слишком жестких рамках?

— У меня почти полная свобода. Но нужно помнить, что речь идет об историческом наследии, это богатство должно быть сохранено. Каждый аромат Chanel соответствует эпохе, в которой создан, самые яркие примеры, на мой взгляд, — ароматы №5, №19, Coco Mademoiselle. А то, что в каждом новом аромате должен присутствовать дух марки, — я не ощущаю это как давление, ограничение.

— Как создаются новые ароматы?

— За два-три года до предполагаемого выпуска дается задание, выстраивается тайминг. Если это новый аромат, то все начинается с названия. Так было, например, с Misia. В Chanel предложили несколько вариантов. Я выбрал этот. Изучил историю героини и все, что связывало ее с Шанель, и приступил к работе. Если линейка уже существует, то все по-другому. Как, скажем, в случае с Chanel Chance — там была линейка из трех ароматов. Для нового, четвертого обсуждался цвет парфюма, конечно, дизайн флакона и какие нотки должны присутствовать. Тут уже есть концепция, однако при этом ничего не навязывается, есть выбор в компонентах. И уж если мне что-то не нравится, я, конечно, волен сказать «нет».

— Если бы у вас была абсолютная свобода — от концепции, бренда, истории, какой бы вы создали аромат?

— Невозможно быть абсолютно свободным. Мечты в любом случае надо соотносить с жизнью, с ее, возможно, небольшими, но ограничениями. В этих осязаемых ограничениях ты и находишь свободу. Я не думаю, что получилось бы что-то создать в условиях абсолютной свободы. Ограничения и дают импульс к творчеству. Это — своего рода вызов.

Беседовала Виктория Михайленко